

ПУБЛИКАЦИИ

ФОКЕЙСКАЯ МАССАЛИЯ И ЕЕ ОРГАНИЗАЦИЯ: ОТ УМЕРЕННОЙ ОЛИГАРХИИ К ПОЛИТИИ*

В.И. Козловская

Кафедра всеобщей истории
Московский государственный гуманитарный университет
имени М.А. Шолохова
Ул. Верхняя Радищевская, 16—18, Москва, Россия, 109240

Политическая организация Массалии в эпоху античности характеризовалась эволюцией от умеренной олигархии первых поколений колонистов к умеренной аристократии последующего периода. Ее гражданская община была смешанной, так как изначально включила в свой состав представителей местной знати и впоследствии не отказывалась от аналогичной политики. Массалия имела свод законов и суд, при избрании на государственные должности руководствовалась имущественным цензом.

Ключевые слова: Массалия, умеренная олигархия, полития, гражданская община, имущественный ценз.

В современном антиковедении Массалия признается символом фокейской колонизации дальнего средиземноморского Запада (1), и потому ее история всегда находится в поле зрения исследователей. Первый период ее жизни обычно характеризуется как эмпориальный, а на втором она считается полисом-апойкией, поскольку, начиная с середины VI в. до н.э., представляет собой триединую социально-политическую систему типа «полис + хора + торговая округа/хинтерланд» (2). Однако вопрос о государственном устройстве Массалии остается во многом не изученным (3).

Юстин, эпитоматор Помпея Трога, сообщает, что фокейцы впервые прибыли в акваторию Галльского (Лионского) залива и устье Роны после своего плавания *in ultimam oceani oram* (*Just.* XLIII.3.5-6). Место в бухте Лакидона настолько понравилось греческим мореходам своей *amoenitas*, что по возвращении в Фокею они убедили сограждан в целесообразности его освоения и осуществили это намерение *temporibus Tarquinii regis* (*ibidem*). Видимо, в словосочетание «*loci amoenitas*» Помпей Трог включал более глубокий смысл, чем только «красота, приятность места», имея в виду гармоничность, сбалансированность его природных ус-

---

* Статья подготовлена при финансовом поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-01-00080а).

ловий, весьма контрастировавшую с геотопографическими характеристиками Фокеи (сравн.: *Just.* XLIII.3.7 и 3—5 соответственно).

Первая экспедиция состояла из числа *Phocaeensium juventutis* (*Just.* XLIII.3.5) и не была спонтанной, поскольку ее участники, как говорит Страбон со ссылкой на Антиоха, сицилийского грека и знаменитого историка VI в. до н.э., не только предварительно получили оракул, но и отправили послов в Эфесион, панионийский храм Артемиды, для конкретизации его смысла (*Strabo* IV.1.4). О тщательности подготовки экспедиции свидетельствует и тот факт, что в ее составе были исключительно гетайры, в то время как их родные остались дома (*ibidem*). Совокупность этих деталей позволяет считать, что речь идет о выводе первопоселения типа лагеря или выселка, основанного в весьма благоприятном для развития торгово-посреднической деятельности месте. Такой выселок вполне можно отождествить с эмпорием — стоянкой и одновременно торжищем, то есть с неким жилым кварталом при нем.

Увеличение отряда переселенцев было обусловлено, как говорит Павсаний, персидским нашествием (*Paus.* X.8.6-7). На эту же мысль наводит Афинеево переложение пассажа из «Массалиотской политики» Аристотеля, где вполне отчетливо прослеживается роль Эвксена, фокейского торговца и друга туземного правителя Нанна в основании первообщины, с одной стороны, и миссия ойкиста, выполненная Протисом, сыном Эвксена и Петы/Аристоксены, с другой (см. *Arist.* *Ap Athen.* XIII.576). С Протисом связывает основание апойкии и Плутарх (*Plut.*, *Solon.* II), а сицилийский историк IV в. до н.э. Тимей указывает конкретную дату — за 120 лет до битвы при Саламине (*Tim.* II.40; см. также *Scymn.* *Chius.* *Orbis descr.* 208 sqq; *Liv* I.3.4). Поскольку автор воспользовался храмовыми и городскими хрониками, то его трудно упрекнуть в недостоверности.

Остановимся на вопросе о составе отряда первопоселенцев — создателей Массалиотского эмпория и его ранней общины. Если принять во внимание тот факт, что фокейские гетайры прибыли на пентеконтере, то можно предположить, что их число не превышало 100 человек, так как, по подсчетам современных специалистов, приблизительно такое количество мореходов могло взять на борт судно этого типа (4). У себя на родине основатели массалиотской общины, ктисты, обладали гражданскими правами (см. *Tim.* II.40), хотя степень их полноты остается неизвестной. Особо Тимей упоминает кибернета-предводителя (*Tim.* II.39), который обычно не принадлежал к низам гражданской общины, чем отличался и от келевста, старшего над гребцами, и, тем более, от рядовых членов экипажа. В состав руководства отряда следует включить представителей торговой знати Фокеи, как «инвесторов» и инициаторов предприятия, например, Протиса, а также жречества, в частности — Аристарху, одну из наиболее уважаемых матрон Фокеи, ставшую жрицей в храме Артемиды Эфесской вновь основанной апойкии (*Strabo* IV.1.4) (5). Подавляющее большинство ктистов было связано с мореплаванием: это моряки, рыбаки и, конечно, торговцы и торговые агенты (*Strabo* IV.1.5). Если указание Страбона соотнести с Геродотовым сообщением об использовании фокейцами в их плаваниях на Дальний Запад не круглых судов торгового типа, а пентеконтер, то станет ясно, что моряки были одновременно и воинами/охраной.

Об ойкистах сохранилась информация благодаря Аристотелю, Плутарху и Помпею Трогу/Юстину. Плутарх, в частности, характеризует Протиса как крупного фокейского торговца (*Plut.*, Solon. II). Юстин ставит его в пару с Симом, а руководящую часть экспедиции, ее ядро, определяет как *Phocaensium juvenus*. Очевидно, что он имел в виду не столько молодость ктистов, сколько их организацию, которая, как это было принято в греческом мире, представляла собой объединение типа гетайрии, основывавшейся на узах товарищества, единства возраста и заметного социального статуса, общности физической и духовной подготовки и интересов. Хорошо экипированная и духовно сплоченная экспедиция гетайров должна была преодолеть те трудности в деле обоснования «на краю земли», которые им могли создать властелины Западного Средиземноморья — карфагеняне и этруски, слава об успехах и коварстве которых не могла обойти молчанием Фокею, всегда специализировавшуюся на эмпории и потому тесно связанную с международными рынками (Родос, Кипр и др.), активно посещавшимися и даже контролировавшимися финикийцами — неоспоримыми знатоками торговых итинерариев Средиземноморья. Из сообщения Трга о браке предводителя экспедиции, ойкиста, с дочерью местного правителя Нанна можно заключить, что в число создателей гражданской общины Массалии изначально была включена какая-то часть местной, кельто-сегобригской знати и что смешанный, с этнокультурной точки зрения, тип семьи, по материнской линии представленный аборигенами, явился одной из норм организации общества.

Следовательно, с самого возникновения массалиотская община была этнически и социально неоднородной, а богатство наряду со знатностью стало эталоном общественной значимости индивида, будь он грек, как, например, Протис, или местный аристократ. В таком варианте община Массалии была институционализована еще при жизни первого поколения ее создателей (*Strabo* IV.1.4; *Just.* XLIII.4.3). Правда, вторжение греков-массалиотов в устоявшуюся систему взаимоотношений туземцев с этрусскими торговцами спровоцировало сопротивление лигуров и ряд их активных выступлений, однако греки — в конечном счете — одержали победу, завершившуюся не только включением в состав их общины представителей местных элит, но и основанием на землях аборигенов многочисленных поселений (...in captivis agris multas colonias constitutas... — *Just.* XLIII.3.13). Факт покровительства грекам со стороны Нанна и его потомков (6) объясняется, видимо, тем, что массалиоты и характер их деятельности устраивали их больше, чем прямые соседи — лигуры. Возможно, что, подталкиваемые этрусско-карфагенскими и этрусско-эвбейскими торговыми «хищниками», лигуры стали посягать на основные источники крупных доходов кельтской знати (серебро, соль), и Нанн был вынужден объявить себя фокейским проксеном, а его потомки заботились о пролонгации соответствующих отношений.

Таким образом, в Массалии начального периода ее самостоятельной истории зарождаются предпосылки для оформления умеренно-олигархического строя. Если верить Аристотелю, указывающему, что у массалиотов очень немногие имели доступ к должностям и что к их числу одновременно не могли относиться отец и сын, и умалчивающему о наличии каких-либо писаных законов (см. *Arist.*, Pol. V.1305b), то можно заключить, что формирующаяся олигархия приобретает при-

знаки династической передачи власти (Аристотелево определение этой разновидности олигархии см. *Arist.*, Pol. IV.1292b) по типу критской, имевшей, кстати, и «нечто от политики», то есть умеренной демократии (*Arist.*, Pol. IV.1272a). Элементы олигархии, наметившиеся на начальной фазе истории массаλιотской общины, не нашли последующего закрепления, так как острые разногласия между двумя родами ойкистов, с одной стороны, и борьба за политическое равноправие, развернутая сыновьями первопоселенцев, с другой, не способствовали нарастанию процесса олигархизации в управлении. К тому же Аристотель намекает на стремление младших сыновей приобрести право равного со старшими доступа к власти (см. *Arist.*, Pol. IV.1292b), что также могло содействовать выработке «принципа умеренности» олигархов в делах организации управления массаλιотской общиной.

Однако внешний фактор: покушение на жизнь Протиса со стороны сына Нанна (см. *Just.* XLIII.4.10), а также весьма близкое к нему, с хронологической точки зрения, прибытие второй волны фокейских эмигрантов (540-е годы до н.э.) (7), резко увеличивших население города и внесших дисгармонию в складывавшуюся структуру его общины (поскольку она вынуждена была дать им, так же, как и сообщинникам из числа недовольных ктистов, угрожавших переворотом, политическое равноправие), — способствовали трансформации власти. Для численно возросшей общины массаλιотов стало ясно, что отныне всякий, кто имел соответствовавший норме имущественный ценз, обладал правом участия в управлении государством (*Arist.*, Pol. IV.1292b). В итоге, судя по Аристотелю (*Arist.*, Pol. V.1305b), олигархический строй Массалии приобрел определенные признаки демократии, то есть приблизился к политике. Эта форма организации власти базировалась на среднем по размерам имущественном цензе (*Arist.*, Pol. V.1294b) и допускала возможность замещения должностей по принципу избрания. Страбон указывает, что массаλιоты, подобно лаконцам, сформировали герусию, один из двух наиболее важных органов власти, руководствуясь принципом выборности ее членов (*Strabo* VII. Fr. 2). Сравнение со Спартой наводит на мысль о заимствовании Страбоном своей информации у Аристотеля (сравн.: *Arist.*, Pol. IV.1294b) или, скорее всего, у единого с ним источника. В таком случае представляется правомерным введение и второй, опущенной Страбоном, части сравнения, характеризовавшей, по Аристотелю, лаконский вариант демократии: участие демоса в формировании эфората.

Массаλιотская политика, как форма умеренного управления, подкрепленная со временем законами и освященная религией (см. *Strabo* IV.1.5), мало способствовала внутренним распрям (8). Аристотель, обобщивший огромный материал о древнегреческих политиях, уверенно доказывает, что там, где средние граждане многочисленны, реже всего возникают серьезные раздоры и политические группировки противоположного толка (*Arist.*, Pol. V.1296a). Основным гарантом внутреннего равновесия служило, видимо, всеобщее осознание возможности достижения благополучия лишь на основе сотрудничества представителей самых различных слоев гражданской общины — торговцев, моряков (торговых, военных, рыбаков), ремесленников и землепашцев, жречества и чиновничества. В условиях отдаленности от родины, конкуренции с этрусками и карфагенянами и плотного

варварского окружения (9) это осознание должно было прочно проникнуть в умы членов массалиотской общины, а социально-политическая борьба раннего этапа ее истории между первопоселенцами и вновь прибывшими в 540-х годах до н.э. фокейцами, обусловившая принятие мер по контролю над структурой общины, способами ее пополнения и по легализации уже апробированных на практике норм общественно-политической жизни, привела к эпохе стабилизации и последующего расцвета государственного организма Массалии в виде политии (см. *Arist.*, Pol. IV.1298a) или, как говорит Страбон, «аристократического и строго законного правления» (*Strabo* IV.1.5), и осуществлявшегося, по уточнению Цицерона, *per delectos et principes cives* (*Cic.*, *De re publ.* I.27.43).

В условиях средней по размерам, но достаточной собственности, что подчеркивает Аристотель (*Arist.*, Pol.V.1295b—1296a) и иллюстрируют Элиан и Страбон (*Ail.*, Var. II.38; *Strabo* IV.1.5; соответствующую информацию также см. *Just.* XLIII.4.11), при избрании на должности граждане руководствовались так называемым качественным критерием — добродетелью и достоинством (*Strabo* IV.1.5), которые Аристотель считает характерными признаками умеренной демократии (*Arist.*, Pol. V.1273a; V.1294a). Из демократических принципов Массалиотский полис заимствовал также свободу и равенство имущих. Иные слои демоса, однако, не имели всей полноты прав и не осуществляли прямого легального контроля над деятельностью органов власти.

Что касается организации государственной системы Массалии, то ее основным элементом следует признать законодательный орган, ведавший, наряду со своей прямой прерогативой, вопросами избрания на должности, отчетности, изгнания политических оппонентов и др. Аристотель особо подчеркивает, что право решения этого круга вопросов принадлежало не всем гражданам, а лишь избранным из их числа (*Arist.*, Pol. VI.1321a). Не их ли Страбон называет тимухами, или «пожизненно облеченными почетными должностями» (*Strabo* IV.1.5)? Они образовывали Совет шестисот. Обновление его состава осуществлялось путем кооптации, когда сын заступал на место отца (об этом см. *Arist.*, Pol. IV.1298b).

Вторым элементом системы власти являлись исполнительные должности. Какими они были, чем ведали и каков способ их замещения? Можно говорить о Совете пятнадцати, которому была вручена исключительная власть в текущих делах (см. *Strabo* IV.1.5). Этот орган в определенной мере можно отождествить со свойственной олигархии герусией, о существовании которой в Массалии Страбон упоминает в седьмой книге своей «Географии» и членов которой Аристотель называет «пожизненными вершителями всех важных дел» (*Arist.*, Pol. II.1277a). Из членов этого Совета избиралась Коллегия трех, обладавших высшей судебной властью; как пишет Страбон, именно им было дано право председательствовать в герусии и контролировать ее деятельность (*Strabo* IV.1.5; сравн. *Arist.*, Pol. II.1271a). Умеренно-демократическая «компонента» устройства Массалии поддерживалась возможностью быть избранным для любого имущего массалиота, если только он происходил из числа граждан в третьем поколении и имел детей (*Strabo* IV.1.5), а откровенное влияние олигархии проявлялось в том, что при замещении на должность в Совете пятнадцати или Коллегии трех господствовал принцип отбора исключительно из числа «достойных».

На первое место среди должностей, находившихся на порядок ниже, следует поставить астиномию с подведомственным ей штатом. Благодаря Страбону известно, что в Массалии — по аналогии с другой фокейской колонией, Кизиком, а также Родосом и ранним Карфагеном — этот штат включал, по крайней мере, шесть человек: трое управляли общественными зданиями и военной техникой, остальные ведали складами (оружейным, военных машин, хлебным — см. *Strabo* XII.8.11). Юстин, сообщив об организации городских укреплений и гарнизонной службы времен жизни I—II поколений массалиотов (*Just.* XLII.4.11), дает основания для выделения группы чиновников, отвечавших за сохранность оборонительных стен, ворот и строений в гавани, а также следивших за соблюдением порядка в округе.

Специальный участок государственной деятельности составляла организация финансов — получение, хранение, контроль и распределение государственных доходов (*Paus.* X.8.6-7; 18.7; *Strabo* IV.1.5 и др.). О значительности и устойчивости полисной казны Массалии свидетельствуют такие известные из письменных источников факты, как наличие большого флота (10), которым массалиоты неоднократно побеждали даже карфагенян, богатство их храмов, сокровищниц и жертвоприношений в собственные святилища, а также в Дельфы и малоазийский Панионион (11). Из источников формирования казны наиболее устойчивыми были налогообложение и пошленные сборы с тех, кто пользовался массалиотским портом в бухте Лакидона (12) и гаванями подконтрольного Массалии хинтерланда, кто эксплуатировал ее речные и сухопутные магистрали (*Strabo* IV.1.8) (13). Важную роль играли дары местных правителей массалиотской общине и ее храмам (об этом, к примеру, см. *Just.* XLIII.5.2). В условиях города, базировавшего свое благополучие на торговле и связанной с ней системе финансовых сделок, не мог не сложиться соответствующий штат чиновников — контролеров, учетчиков, секретарей, писцов и, конечно же, ситометров, ведавших системой мер и весов.

Специальные должностные лица отвечали за военное дело и его организацию. Имелся чиновник, следивший за охраной городских стен и ворот, организовавший круглосуточную гарнизонную службу (см. *Just.* XLIII.4.11). Другая совокупность должностей составляла навархию, поскольку невозможно представить большой морской флот Массалии без командиров — навархов, пентархов, кибернетов и т.д.

Обычными для политики являлись должности гинекономов и педономов, без деятельности которых было бы трудно заботиться о добронравии граждан и организации воспитания, носившего общественный характер (*Arist.*, Pol. VI.1323a). О наличии в Массалии гинекономии свидетельствует приводимый Элианом закон о запрете массалиотским женщинам пить вино и о необходимости довольствоваться водой в течение всей их жизни (см. *Ail.*, Var. II.38). В условиях повышенного внимания к вопросам деторождения (*Strabo* IV.1.5; сравн. *Arist.*, Pol. II.1270b), что было свойственно любому греческому полису колониального типа, особое значение должны были иметь организация системы воспитания и, следовательно, связанные с ней должности педономов, гимнасиархов и др.

Особый вид попечения касался религиозного культа. Охраной святилищ, заботой о поддержании культа, совершением жертвоприношений и их хранением ведали жрецы и жрицы. Известно имя одной из служительниц культа Артемиды Эфесской — фокеечки Аристархи, прибывшей, как уже отмечалось, в составе экспедиции первооселенцев. Можно думать, что в Дельфинионе Массалии, ставшем на Западе Панионийским святилищем (14), имелся собственный штат жрецов и сборщиков доходов — десятины с любой торгово-экономической операции, а также добровольных пожертвований отдельных лиц или, например, корпораций. Кстати, известно имя главы одной из них, славившейся особой удачей в плаваниях на Дальний Запад и богатством, — это Сострат Самосский (см. *Hdt.* I.162).

Имелись послы в другие государства и храмы. Так, о регулярных связях Массалии с Дельфами неоднократно упоминается в античной традиции. Павсаний, в частности, описывает те крупные коллективные жертвоприношения, которые были осуществлены в Дельфийский храм посланцами массалиотов (*Paus.* X.8.6-7; 18.7).

Сложнее всего решается вопрос о судебной власти Массалии. У Страбона содержится намек на то, что судебными делами — в числе иных вопросов — ведал Совет пятнадцати (*Strabo* IV.1.5). Юстин дает некоторые основания для предположения о наличии специального суда над иноземцами, поскольку сообщает о введении специального закона о необходимости тщательного наблюдения за ними в пределах городской черты (*Just.* XLIII.4.11). Выше велась речь о гинекономии и, следовательно, можно допустить наличие соответствующего органа, который контролировал бы, наказывал бы, либо, напротив, защищал честь женщины. К этому следует также добавить, что сам факт наличия писаных законов предполагает функционирование суда и наличие судопроизводства.

Подводя итоги, можно сказать, что Массалия развивала свою политическую организацию в виде политии, то есть в умеренно-аристократическом варианте, подкрепив господство фокейско-лигурийского рода ионийскими законами и прилагая усилия по их исполнению. Отклонения от этого устройства в ту или иную сторону на протяжении истории Массалиотской общины, как указывалось выше, известны, однако они не были настолько значительными, чтобы поколебать этот вид общественно-политического устройства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В дальнейшем для краткости будем называть дальний средиземноморский Запад как Дальний Запад.
- (2) *J.-P. Morel.* A la recherche d'un territoire: le cas de Marseille // *Le territoire de Marseille grecque. Études Massaliètes.* — 1986. — Т. 1. — Р. 11 sqq.; *idem.* Marseille dans la colonisation phocéenne // *Marseille grecque et la Gaule. Études massaliètes.* — 1992. — Т. 3. — Р. 15—27; *Rolley Cl.* Le rôle de la voie rhodanienne dans les relations de la Gaule et de la Méditerranée (VII—V s. av. J.-C. // *Marseille grecque et la Gaule. Études massaliètes.* — 1992. — Т. 3. — Р. 411—418.
- (3) В отечественной науке этого вопроса касался, в частности, Ю.Б. Циркин (см. *Циркин Ю.Б.* Эволюция политического строя Массалии // *Социальная структура и политическая организация античного общества.* — Л., 1982. — С. 82).

- (4) *Alvar J.* Los medios de navegación de los colonizadores griegos // Archivo Español de Arqueología. — Madrid, 1979. — P. 67.
- (5) Подробности о жрице Аристархе и культе Артемиды в Массалии, в частности, см. *Tréziny H.* Les lieux de culte dans Marseille grecque // Les Cultes des cités phocéennes. Études massaliètes. — 2000. — Т. 6. — P. 81 sqq.; *Hermay A., Tréziny H.* Les cultes massaliètes: documentation épigraphique et onomastique // Les Cultes des cités phocéennes. Études massaliètes. — 2000. — Т. 6. — P. 147 sqq.
- (6) Об этом см. *Leveque P.* Les populations indigènes de la Gaule et les Grecs // Marseille grecque et la Gaule. Études massaliètes. — 1992. — Т. 3. — P. 383—387.
- (7) О второй волне фокейских иммигрантов в Массалии, в частности, см. *Gantes L.-Fr.* La topographie de Marseille grecque. Bilan des recherches (1829—1991) // Marseille grecque et la Gaule. Études massaliètes. — 1992. — Т. 3. — P. 71 sqq.
- (8) Разбор терминологии, связанной с противостоянием, распрями, раздорами, см. *Доватур А.И.* Политика и политики Аристотеля. — Л., 1965. — С. 67.
- (9) О хинтерланде Массалии, в частности, см. *Leveque P.* Les populations indigènes de la Gaule et les Grecs. — P. 385 sqq.
- (10) О нем, к примеру, см. *Guery R.* Le port antique de Marseille // Marseille grecque et la Gaule. Études massaliètes. — 1992. — Т. 3. — P. 109—121.
- (11) *Furtwangler A.* Le trésor d'Auriol et les types monétaires phocéens // Les Cultes des cités phocéennes. Études massaliètes. — 2000. — Т. 6. — P. 175 sqq.
- (12) О нем см. *Guery R.* Le port antique de Marseille. — P. 109 sqq.
- (13) О так называемых «винных» торговых путях Массалии, относящихся к числу наиболее освоенных и всегда активно эксплуатировавшихся, см. *Bertucchi G.* Les amphores et le vin de Marseille (VI s. av. J.-C. — II s. ap. J.-C.). — Paris, 1992. — P. 37 sqq.
- (14) *Salviat Fr.* La source ionienne: Apatouria, Apollon Delphinios et l'oracle, l'Aristarchéion // Les Cultes des cités phocéennes. Études massaliètes. — 2000. — Т. 6. — P. 25—31.

THE MASSALIA PYLIS AND ITS ORGANISATION: FROM OLIGARCHY TO MODERATE ARISTOCRACY

V.I. Kozlovskaya

World History Chair

Scholochov Moscow State Humanitarian University

Verchniya Radishevskaya Str., 16—18, Moscow, Russia, 109240

This article is an attempt to describe the political organization of Massalia in the antique period, especially its evolution from moderate oligarchy to moderate aristocracy. The civil community of Massalia was mixed, and included also representatives of the local notables. Massalia was famous for its laws as well as its court system. As far as the revenues of the state were concerned, it was a tradition in Massalia to use the property census for this purpose.

Key words: Massalia, the moderate oligarchy, polis, the civil community, the property census.